

3. Ковалевич, И. О. Русское окказиональное словопроизводство в речи детей и взрослых (сравнительно-сопоставительный аспект) / И. О. Ковалевич, О. И. Ревуцкий. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. – 182 с.

The article is devoted to the study of the peculiarities of perception of China, the Chinese people and Chinese culture by children of preschool and primary school age by means of identifying and analyzing the associative connections of lexemes united by Chinese themes.

Key words: China, Chinese, children's speech, children's perception, associations.

Ковалевич Ирина Олеговна – кандидат филологических наук, доцент; Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина (irina_kovalevich@list.ru).

УДК 398.3(=161):398.3(=581)

В. И. Коваль

КИТАЙСКОЕ ГУЙ ФУ 鬼斧 (ЧЕРТОВ ТОПОР) И РУССКОЕ ТОПОРНАЯ РАБОТА

В статье анализируются китайские фразеологизмы, включающие в свой состав компонент гуй 鬼, который способствует формированию как негативной, так и позитивной семантики китайских устойчивых словосочетаний. Отдельно рассматривается семантика и внутренняя форма китайских и русских фразеологизмов, содержащих в своем составе компоненты топор и топорный.

Ключевые слова: топор, топорный, фразеология, внутренняя форма, китайский язык, русский язык.

Иероглиф гуй 鬼 реализует в китайском языке комплекс значений, связанных со сферой «иноного мира» и демонологии: ‘душа умершего’, ‘умерший’; ‘низшее божество, дух’; ‘оборотень’; ‘привидение’; ‘нечистая сила’; ‘злой дух’, ‘черт, бес’ [1, с. 478]. Показательно, что в книге «История 1 000 китайских иероглифов» пиктографическое происхождение данного иероглифа представлено картинкой (рисунок 1), иллюстрирующей внешнее сходство потустороннего персонажа – покойника/призрака – с изображением иероглифа гуй на древних гадательных костях животных (стиль цзягувэнь 甲骨文, XIV–XI вв. до н. э):

Рисунок 1 – Пиктографическое изображение иероглифа 鬼 в стиле *цзягувэнь* [2, с. 127]

Автор названной работы, комментируя «внутреннюю логику» иероглифа *гуй* 鬼, замечает: «Призрак – пиктографический персонаж. В древности люди верили, что души существуют после смерти и полагали, что призрак – это то, чем люди становятся после смерти. Слово *призрак* в надписях на костях для гадания похоже на человеческую фигуру со странной головой, что указывает на воображаемого монстра, который выглядит как человек, но человеком не является» [2, с. 127].

Как указывает Сюй Хуэй, в каллиграфическом стиле *сяочжунань* (小篆), получившем развитие во времена династии Цинь (秦朝, 221–206 гг. до н. э.), в этом иероглифе появляются элемент *сы* 厶 ‘локоть’ (рисунок 2), «добавляющий впечатление зловещности», поскольку он является омонимом иероглифа *сы* 私 ‘личный, тайный’. Высказанную мысль автор развивает следующим образом: «Здесь имеется в виду, что «темные дела» (*иньсы* 阴私), которые творит *гуй*, очень серьезны. По эволюции иероглифа *гуй* 鬼 можно понять, что в верованиях древних *гуй* представлял не что иное, как человека с большой головой, и эта голова размером с тыкву была так велика, что не позволяла человеку встать; когда же человек смог встать, иероглифу 鬼 добавили другие пугающие элементы – «темные дела» чёрта *гуй*. Так и оформилась структура этого иероглифа». Кроме того, произношение иероглифа 鬼 [guǐ] созвучно со звуковым обликом иероглифа 归 [guī] ‘возвращаться’, и это дало основание считать, что «человек после смерти может вернуться туда, откуда пришел». Далее Сюй Хуэй, ссылаясь на древние источники, приводит высказывания, отражающие это верование: «Когда души покидают тело, каждая возвращается к своей истинной природе, потому это называют 鬼. 鬼 –

это возвращение в истинную обитель 归»; «鬼 есть 归. Говорят, что человек рождается из небытия и возвращается в небытие, поэтому говорят гуй 鬼» [3, с. 206–208].

Рисунок 2 – Изображение иероглифа 鬼 в стиле сяочжуань

Мистическая загадочность, «демоничность» иероглифа гуй 鬼 дополняется предположением о том, что входящий в его состав элемент *тянь* 田 может являться обозначением шаманской маски, поскольку Сюй Шэнь, автор древнейшего словаря «Шовэнь цзецзы» (說文解字) «Происхождение китайских иероглифов» (эпоха Хань 漢朝, 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.), указывал, что гуй 鬼 – это человек-шаман [4].

Вполне закономерно, что слово-компонент гуй 鬼 входит в состав ряда китайских негативно-оценочных фразеологизмов, не только называющих демонических существ (*шань гуй* 山鬼 ‘дух горы, леший’; *шуй гуй* 水鬼 ‘дух реки, водяной’), но и характеризующих людей – носителей тех или иных негативных качеств (*ду гуй* 賭鬼 ‘азартный игрок’; *цзю гуй* 酒鬼 ‘пьяница’; *янь гуй* 煙鬼 ‘опикурильщик’; *сэ гуй* 色鬼 ‘сластолюбивый развратник’; *гуй чу* 鬼黠 ‘ловкий, хитрый, коварный’; *гуй ся* 鬼黠 ‘лукавый, дьявольски хитрый’; *ян гуй* 洋鬼 ‘заморский чёрт (об иностранце)’; *дун ян гуй* 東洋鬼 ‘черти с восточного океана (о японцах в период антияпонской войны)’, а также отвлеченные понятия (*гуй тяньци* 鬼天气 ‘мерзкая погода’; *гуй хуа фу* 鬼畫符 ‘чертовщина; фальшь, беспардонное враньё, плутовство’) [1, с. 478].

Одновременно в языковой картине мира китайцев *гуй* 鬼 наделяется представлениями о чем-то необычном, сверхъестественном, непостижимом для человека, что подтверждается следующими значениями данного слова: ‘гений, сверхчеловек’; ‘нечеловеческий, чудесный, гениальный’; сравн.: *гуй цай* 鬼才 ‘нечеловеческие (гениальные) способности’ [1, с. 478].

В связи со сказанным важно учитывать синкретичность понятия «гуй», поскольку функции соответствующего персонажа в традиционных верованиях китайцев значительно шире представлений о том, какими чертами в русской и европейской культурах наделяются черт, бес, демон, злой дух, просто дух, привидение, нечисть, оборотень и т. д. [5, с. 46]. Более того, как замечает Сюй Хуэй, *гуй* в ряде случаев может быть носителем вполне положительных качеств: «Дух *гуй* – не более чем человек, переместившийся в другое измерение во времени и пространстве. Духи *гуй* иногда не только не страшные, но и очень милые, порой они даже терпят от людей насмешки» [3, с. 209].

Показательны в этом отношении фразеологизмы *гуй фу* 鬼斧 (букв. *чертов топор*) ‘топор (рука) гениального мастера’ и *гуй гун* 鬼工 (букв. *чертова работа*) ‘нечеловеческая, исключительно искусная, тончайшая, чудесная работа’ и особенно – *гуй гун цю* 鬼工毬 (букв. *шар чёртовой работы*) ‘шар тончайшей работы (шары резной слоновой кости, выточенные один внутри другого и свободно вращающиеся, до 10–12 штук в одном изделии)’ [1, с. 478] (рисунок 3).

Рисунок 3 – Шар из слоновой кости

Среди наиболее известных мастеров – изготовителей таких шаров – называют мастера Вэн Жунбяо из Гуанчжоу, который в 1977 году вырезал из слоновой кости диаметром 15 см набор из 42 узорчатых шариков, каждый из которых находился в подвижном состоянии внутри другого и был украшен гравированными пейзажами, причем центральный шарик был толщиной в бумажный лист [6].

Особый интерес представляет китайский фразеологизм *гуй фу* 鬼斧 (*чертов топор*) ‘топор (рука) гениального мастера’ [1, с. 478], в образной структуре которого нашли отражение представления о топоре как инструменте, с помощью которого может быть выполнена тончайшая, филигранная работа мастером, который, в свою очередь, обладает уникальными и даже сверхъестественными, «дарованными свыше», то есть полученными от позитивно осмысливаемого *гуя* способностями.

Не менее показателен и фразеологизм *фу цзао* 斧藻 (букв. *топорные водоросли*), реализующий значения, ассоциирующиеся с «тонкой», тщательной работой – как физической, так и умственной: ‘украшение резьбой, совершенствование’; ‘стилистическая обработка текста’ [7, с. 741].

В традиционной картине мира китайцев топор осмыслялся и как предмет, который потенциально может свидетельствовать о высоком мастерстве его обладателя. Сравн.: *бань мэнь нун фу* 班門弄斧 (букв. *размахивать топором у ворот Лу Баня*) ‘бахвалиться перед опытными людьми, знатоками своего дела’ [8, с. 25–26] (Лу Бань – мастер, в совершенстве владевший резьбой по дереву; бог-покровитель плотников).

В русском языке, как известно, наблюдается совершенно иная картина: слово *топор* употребляется только для обозначения орудия труда, боевого оружия и орудия казни [9, с. 1332]. Кроме того, рассматриваемое слово встречается в ряде устойчивых терминологических сочетаний, обозначающих специализированные виды топоров, использующихся для тех или иных процессов: *топор плотничий* ‘с широкой тонкой лопастью и острым носком’; *топор мясничий* ‘самый большой, широкий и тяжелый’; *мастеровой топор* ‘небольшой’; *лесниковый (лесосечный) топор* ‘топор с узким лезвием на долгом прямом топорище’, *мужичий топор* ‘небольшой и толстый’; *топор дровяной (дровосечный, дроворубный)* ‘как мужичий, но с толстым обухом’; *топорик бочарный* ‘вдвое меньший’; *топорок кровопускательный* ‘орудие, как топорик’ [10, с. 427]. Сравн. также: *топор будничий (дровосечный, каменный, мясной, плотничный)* ‘названия типов топоров по их хозяйственному применению’ [11, с. 45].

Диалектные фразеологизмы, включающие в свой состав слово-компонент *топор*, реализуют, как правило, общенегативную семантику, связанную с представлениями о грубости, неумелости, резкости, отрывистости: *из-под топора* ‘о чем-либо сделанном небрежно, неаккуратно’ [12, с. 666]; *как топор* ‘об очень прямолинейном, грубом и резком человеке’; *как из-под топора* ‘о чем-либо грубо, неаккуратно или неумело нарисованном, написанном’; *как топором рубить* ‘о грубом, неумелом исполнении чего-либо’; *говорит как с топора валить* ‘о чем-либо сказанном необдуманно, грубо и некстати’ [13, с. 685]; *говорит, как топором рубит* ‘о человеке, который говорит громко, отрывисто’ [14, с. 255].

Приведенный материал может быть дополнен известной характеристикой грубой, непривлекательной внешности помещика Собакевича из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: *Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со своего плеча: хватила топором раз – вышел нос, хватила в другой – вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «Живет!» Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича. Сравн.: топорный ‘грубо сделанный (топорная мебель); ‘лишенный деликатности, тонкости’ (топорная шутка, топорный юмор) [9, с. 1332].*

Справедливо замечено, что топор в русской языковой картине мира неизменно связывается с комплексом негативных представлений: «Топор в России больше чем топор. С одной стороны, с топором в руках наши предки прокладывали себе путь сквозь самые сокровенные дебри дремучего леса жизни, при помощи топора рукодельный пращур мог и дом поставить, и дров нарубить, и даже кашу сварить <...> Но, с другой стороны, именно топор оставил самый тяжкий след на теле и в сознании русского человека. Вся история Отечества словно балансировала между двумя топорами – топором палача и мужицким колуном, при помощи которого народ пытался разрубить клубок своих сложных взаимоотношений с действительностью. И даже Достоевский вовсе не случайно вложил топор в руки Раскольникова – как знак грядущей революции против «капитализма» в лице старухи-процентщицы» [15].

Языковой материал, представленный в интернет-ресурсе «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru), значительно дополняет довольно связанные с топором мрачные ассоциации за счет использования устойчивых словосочетаний (*звать, призывать*) к топору и (*попасть, подпасть, пойти*) под топор. В пер-

вом случае речь идет о призывах к радикальным, кровавым формам революционной борьбы: *Есть и такие, что зовут Русь к топору, оплакивают СССР, забыв, что в воды Леты дважды ступить невозможно* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов», 1997). Устойчивое словосочетание (*попасть, пойти*) *под топор* употребляется в нескольких значениях: ‘быть казненным’; ‘подвергнуться вырубке (о деревьях, растениях)’; ‘быть ликвидированным (о каком-либо явлении)’: *Все под топор пошли, всем родом на жизнь государеву умышляли* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности, 2009); *Пойменные леса под топор пошли! Теперь сохнут болота, исчезают ручьи, подпитывающие реки* (М. Аджиев. Мгла над Тындой // «Вокруг света», 1989); *Первыми под топор попадают профессиональные привилегии: санаторно-курортное обслуживание, оплата медицинских и коммунальных услуг, предоставление земельных участков и дополнительные отпуска* (Л. Мещанинова. Соцпакет из обещаний // «Время МН», 2003.08.05).

Следует, однако, учитывать, что традиционной русской культуре все же известны представления о топоре как инструменте, с помощью которого может быть выполнена очень тонкая, высокохудожественная работа, что позволяет соотнести их с китайским восприятием топора как инструмента для деликатной работы. Косвенно на это указывают приведенные выше названия топоров (*мастеровой топор* и *топорик бочарный*), а также широко известная легенда о мастере Несторе, построившем в XVIII веке с помощью одного топора на острове Кижии красивейшую Преображенскую церковь, увенчанную двадцатью двумя главами, и выбросившем топор в Онежское озеро, «чтобы никто и никогда больше не посмел построить что-то столь же великое» [16] (рисунок 4).

Рисунок 4 – Преображенская церковь на о. Кижии

*...На Кижии перекрестясь,
Нестор встал,
вздыхнул привольно,
На Онегу кинул взор
И с размаху бросил в волны
Свой талантливый топор.
С той поры почти три века
Царь-топор на дне лежит,
Но плывут по-над Онегой
Чудо-лебеди Кижии [17].*

Таким образом, рассмотренная типологическая параллель (кит. *гуй фу* 鬼斧 (*чертов топор*) и рус. *топорная работа*) отражает, с одной стороны, разное восприятие топора как инструмента в каждой из культур. С другой стороны, очевидно, что культурная символика топора в русской традиции включает представления, аналогичные известным китайской лингвокультуре ассоциациям, но не нашедшие отражения в русском лексико-фразеологическом фонде. Противопоставленные и в то же время соотносительные представления о топоре у китайцев и русских дополняют богатую картину предметно-символов у этих народов [18, с. 171–219].

Список использованных источников

1. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1984. – Т. 4. – 1062 с.
2. 图解说文解字 (画说汉字) / (东汉) 许慎著; 吴苏仪编. —西安: 陕西师范大学出版社, 2010 年. – 509 页. = Сюй, Шэнь. Рисование и произношение китайских иероглифов. История 1000 китайских иероглифов (династия Восточная Хань). Редактор У Сюй / Сюй Шэнь. – Сиань : Издательство Шэньсийского педагогического университета, 2010. – 509 с.
3. Сюй, Хуэй. Этимология китайских иероглифов. Сто самых важных китайских иероглифов, которые должен знать каждый / Сюй Хуэй / Пер. с кит. Кузьминой Е. А. – М. : ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020. – 423 с.
4. Происхождение иероглифов. 鬼 [guǐ] ‘дух’ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-198145602_6651. Дата доступа: 10.11.2023.
5. Алимов, И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И. А. Алимов. – СПб. : Изд-во «Наука», 2008. – 284 с.
6. Миронов, А. Китайский шар – загадка и головоломка / А. Миронов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tampereclub.ru/766-kitayskiy-shar-zagadka-i-golovolomka.html>. – Дата доступа: 19.11.2023.
7. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983. – Т. 2. – 1102 с.
8. Готлиб, О. М. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений / О. М. Готлиб, Му Хуаин. – 2-е изд., стереотип. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. – 596 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
10. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 4: Р–V. – М. : Рус. яз., 1980. – 683 с.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Институт русского языка РАН. Выпуск 30 (*Томь–Уберечися*) / [гл. ред. Р.Н. Кривко]. – М.; СПб. : Нестор-История, 2015. – 320 с.
12. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
13. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «Олма Медиа Групп», 2008. – 800 с.
14. Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Выпуск 44 (*Теленай – Транба*). – СПб. : Изд-во «Наука», 2011. – 349 с.
15. Тихомиров, В. Топорная история / В. Тихомиров // Огонёк 28.09.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2301479>. – Дата доступа: 07.11.2023.
16. Почему Кижы невозможно повторить? Потому что плотник Нестор выбросил топор в озеро [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dzen.ru/a/YkGtfm4eCC9DfTXe>. – Дата доступа: 22.11.2023.
17. Златоустов, В. О царь-топоре и плотнике Несторе (Баллада) / В. Златоустов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall134875806_1041. – Дата доступа: 20.11.2023.
18. Коваль, В. И. Славянско-китайские этноязыковые параллели (из опыта лаовая) / В. И. Коваль. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2022. – 250 с.

*The article analyzes Chinese phraseologisms, which include the **gui** 鬼 component, which contributes to the formation of both negative and positive semantics of Chinese stable phrases. The semantics and internal form of Chinese and Russian phraseologisms containing **ax** and **clumsy** components are separately considered.*

Key words: axe, clumsy, phraseology, internal form, Chinese language, Russian language.

Коваль Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины.

УДК 811.581

Е. А. Красикова

КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИСЕМИИ КЛАССИФИКАТОРА 块

В статье выявляются когнитивные основания семантики китайского классификатора 块. В основе исследования лежит когнитивно-доминантный принцип, позволяющий выявить систему концептуальных составляющих, формирующих семантическую структуру слова. Проведенный анализ показал, что выделенный набор концептов мотивирован исторической динамикой семантики лексемы и отражает концептуальную структуру лексической категории, в которую она входит.